

Собранные финики бабушка Сун упаковала в несколько пакетов. Сначала она отобрала самые красные и крупные, упаковала в большой пакет для Сун Цина и его жены, затем оставила самую сладкую порцию в миске для Сун Хайлиня. Остальные на следующее утро разнесла по соседям.

Сун Хайлинь, неся упакованные для родителей финики, прогулялся до пункта экспресс-доставки «Сыцзи» в посёлке. По пути он встретил группу, сушившую пшеницу, и обменялся с ними парой фраз вроде «Что ели?» или «Погода хорошая».

Удивительно.

Волость Циншуй обладала удивительной способностью ассимилировать людей, легко втягивая их в свою жизнь, делая частью этого места. Благодаря простому, идущему от сердца гостеприимству, желанию пообщаться после еды, за чашкой чая, зайти друг к другу с тарелкой в руках, человек мог жить здесь очень комфортно.

Говорят, что маленькие места недолюбливают чужаков, и это правда. Но об их способности принимать тоже нельзя забывать.

Проходя по главной улице, он увидел Гу Яня в одной белой майке, который каким-то незнакомым деревянным инструментом разравнивал пшеницу на земле. Увидев проходящего мимо с финиками Сун Хайлиня, тот вытаращил глаза и, сжав кулак, помахал им в его сторону.

Сун Хайлинь проигнорировал его.

В свободное от уроков время, если Су Шэнь не было дома у Су, его наверняка можно было найти в мясной лавке «Чжэчжэ».

Су Шэнь задумчиво взвешивал в руке небольшую посылку.

Тянь Чжэ, занятый кормлением и играми с кошкой, нашел момент, чтобы спросить:

— Не откроешь?

Су Шэнь нахмурился:

— Не факт, что там что-то хорошее.

— Если не откроешь, — Тянь Чжэ погладил Гудана по голове, случайно приложив слишком много силы, и кот тут же выскользнул у него из-под руки, недовольно урча из горла. Тянь Чжэ выдержал паузу и продолжил:

— Ты даже не узнаешь, что это вообще за вещь.

— Посылка Шрёдингера, — пробормотал Су Шэнь.

— Что за Шрёдингер? — Тянь Чжэ скривился. — Вы, люди, прошедшие девятилетнее обязательное образование, всегда говорите загадками, да?

Су Шэнь изначально не собирался с ним связываться, да и не успел — у входа кто-то крикнул:

— Хозяин, отправить посылку!

Когда вошедший показался в поле зрения, Су Шэнь слегка приподнял бровь.

Сун Хайлинь?

Сун Хайлинь тоже его заметил.

Так как были выходные, Су Шэнь был не в школьной форме, а в чёрной толстовке с капюшоном, на груди которой красовался огромный Губка Боб. Выглядело это... очень не в его стиле.

Довольно забавно, если честно.

Эта мысль едва зародилась в голове Сун Хайлиня, как он сам не смог сдержать смех. Чем больше он смотрел на этого Губка Боба, тем смешнее становилось. Только когда Тянь Чжэ помахал перед его лицом бланком для отправки, он смог взять себя в руки, наклонился и принялся заполнять бланк.

Один пакет — Паню, бессовестному, другой — Сун, неподкупному.

Заполнив бланк и собираясь уходить, он вдруг заметил, что Гудан, сидевший в картонной коробке, выбрался наружу, легонько хлопнул лапкой по его ботинку и жалобно мяукнул, будто капризная.

Он присел, поднял кота и, покачивая им, обратился к Су Шэню:

— Говорил же, это мой кот.

Гудан, словно в подтверждение, прищурился и потёрся мордой.

— Вот чёрт! — выругался Тянь Чжэ.

Он-то думал, что этот кот просто не ласковый, что характер у Су Шэня слишком паршивый, чтобы кошке понравиться. Но он так старательно ухаживал за ним, кормил-поил, а кошачий владыка и в обычные дни относился к нему с пренебрежением, «вы, простолюдины». Оставалось объяснять это лишь врождённой высокомерностью кота.

Кто бы мог подумать, что он не был неласковым. Просто смотрел, с кем.

Ластиться и мило кокетничать с незнакомцем — это вообще нормально?!

— Мой, — без особых эмоций произнёс Су Шэнь, глядя на Гудана, который нежился в объятиях Сун Хайлиня.

Сун Хайлинь усмехнулся и, неохотно, вернул кота в картонную коробку. Подняв глаза, он снова увидел Губка Боба на Су Шэне. Два передних зуба, будто насмехаясь, сверкали на его груди. Он снова не смог сдержаться и долго смеялся.

Его манера смеяться напоминала классическое «Запрокину голову и, смеясь, уйду вдаль».

— Ты его знаешь? — спросил Тянь Чжэ, упаковывая два пакета с финиками.

— Одноклассник, — коротко ответил Су Шэнь.

— Твой одноклассник — чудик, — вынес вердикт Тянь Чжэ.

— Да, чудик, — согласился Су Шэнь, взял в руки пакет с посылкой и, стиснув зубы, вскрыл его.

Тянь Чжэ всё ещё размышлял на тему «чудиков», когда вдруг увидел, что Су Шэнь переключился на следующую сцену, и тут же широко раскрыл глаза, уставившись на эту самую посылку Шрёдингера.

Содержимое посылки действительно соответствовало её внешнему виду — было предельно скудным. Вытряхнув всё, он обнаружил лишь половину газетной страницы и старую фотографию.

Газета была десятилетней давности, крупный заголовок гласил: «Столкновение грузовика и легкового автомобиля в центре Чжучэна: двое погибших, двое раненых».

Палец Су Шэня провёл по двум чёрно-белым фотографиям. Люди на них... были ему знакомы, и в то же время нет. В памяти не осталось ни единого следа, но они жили в фотоальбомах, жили в рассказах соседей, каждый из которых был всё более преувеличенным, чем предыдущий. Опираясь на эти не слишком достоверные истории, Су Шэнь с детства постепенно, шаг за шагом, воссоздавал в своём сердце образы родителей. Как будто писал роман: то, чего изначально не было в голове, по кусочкам дополнялось воображением.

Родители, точнее, эти два слова, были для него ближе всего к пониманию «персонажей книги».

Теперь, глядя, как их образы появились в газете в другой форме, видя другую их историю — последнюю историю их жизни, холодно и сжато изложенную типографским шрифтом, Су Шэнь вдруг почувствовал... облегчение.

Такое чувство облегчения, которое возникает при завершении многолетнего, долгого романа.

Все эти годы он изводил себя, пытаясь дать этому роману конец, истощив весь первоначальный пыл, страсть, чувства. И в финале не было сожаления, лишь ощущение, от которого не сразу опомнишься: «Я наконец... закончил?»

На старой фотографии были его родители и мужчина средних лет. На обороте надпись: «Хроника шахтёров. На память».

Этот почерк Су Шэнь знал очень хорошо. Пометки на полях старых книг в их доме были явно выведены этой же рукой.

Почерк отца.

Моя собственная история только начинается. Уставившись на фотографию, Су Шэнь внезапно подумал об этой фразе.

— Это же... — Тянь Чжэ долго смотрел, прежде чем вымолвить:

— Твои родители?

Едва выговорив, он тут же проглотил слова.

Су Шэнь сжимал фотографию, не зная, о чём думал.

Тянь Чжэ окликнул его:

— Су Шэнь?

Увидев, что тот поднял голову, продолжил:

— Тот парень сказал, что хочет с тобой встретиться.

Произнеся это, он сам за Су Шэня ответил: «Не встречаться».

Конечно же, так.

Су Шэнь даже позвонить не хотел, не говоря уже о встрече.

У того парня, видимо, с логикой не всё в порядке. Просьба о встрече даже не была попыткой пойти дальше после уступки — он же вообще никакой «уступки» не получил, а уже лезет на

рожон. Это просто несбыточная мечта.

Су Шэнь протянул руку:

— Дай сигарету.

Тянь Чжэ посмотрел на него, промолчал, достал из кармана пачку сигарет и заодно швырнул зажигалку.

Тот прикурил, глубоко вдохнул, задержал дым в груди секунд пять-шесть, прежде чем медленно выпустить его. Затем, зажав сигарету двумя пальцами, застыл в задумчивости, и только когда она почти догорела, произнёс:

— Подумаю.

Тянь Чжэ поразился. Раньше Су Шэнь был непреклонен, сказал — не хочет общаться, значит, не хочет. Но теперь, из-за этой маленькой посылки, даже такая наглая просьба о встрече превратилась в «подумаю».

Эту посылку не стоило называть «посылкой Шрёдингера», следовало назвать «волшебной посылкой».

Тянь Чжэ примерно понял: это «подумаю» по сути уже означало согласие. Похоже, позже снова придётся искать тот номер телефона.

(5.5)

Су Шэнь не стал задерживаться в мясной лавке «Чжэчжэ». Затувив сигарету, он вышел и направился домой.

Тянь Чжэ, не оставляя надежды, пытался наладить эмоциональную связь с Гуданом, лишь машинально помахав рукой Су Шэню на прощание. Впрочем, этот жест был бессмысленным, ведь Су Шэнь даже не взглянул в его сторону.

Он катил инвалидное кресло по грунтовой дороге, кончики пальцев покрылись мелкими частичками светло-коричневой пыли.

Дорога от дома Тянь Чжэ до его собственного была ему до боли знакома. Он мог точно сказать, сколько толчков колёс нужно, чтобы проехать мимо того или иного дерева. Поэтому он, наверное, мог бы назвать и то, какие именно тётушки с тарелками в руках будут в это время толпиться на перекрёстке впереди и обсуждать чужие дела.

И уж точно они не преминут сказать ему пару слов.

Например, «этот ребёнок, несмотря на физический недостаток, силён духом».

Да чтоб вас, с вашим «силён духом»!

За всю жизнь они, видимо, выучили из передачи «Восхищение Китаем» лишь несколько не самых лестных фразеологизмов — и все применяют к нему.

Если говорить о тех, кто хуже всех умеет подбирать слова, то это, несомненно, тётушки. А если ранжировать самих тётушек, то жительницы волости Циншуй определённо будут в числе первых.

<http://bllate.org/book/15285/1350486>